

Интертекстуальность в романе Дай Сицзе (Dai Sijie) «Balzac et la petite tailleur chinoise»

А.А. КИРЮШКИНА

Роман французского автора китайского происхождения Дай Сицзе «Бальзак и маленькая китайская швея» представляет собой уникальный пример интертекстуальности, где переплетаются западная литература, китайская культура и личный опыт автора. Интертекстуальность предполагает, что любой текст является частью сети других текстов, которые он цитирует, переосмысливает или с которыми вступает в диалог. В романе Дай Сицзе эта концепция проявляется через обращение к произведениям западной литературы, которые становятся не только важным сюжетным элементом, но и символическим мостом между культурами.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекстуальные связи, текст, литературные произведения, культура.

Dai Sijie's novel «Balzac and the Little Chinese Seamstress» is a unique example of intertextuality, where Western literature, Chinese culture and the author's personal experience are intertwined. Intertextuality, as a concept introduced by Yulia Kristeva, assumes that any text is part of a network of other texts that it quotes, reinterprets, or engages in dialogue with. In Dai Sijie's novel, this concept is manifested through the appeal to the works of Western literature, which become not only a plot element, but also a symbolic bridge between cultures.

Keywords: intertextuality, intertextual relations, text, novels, culture.

В лингвистике текст определяется как любая связная и осмысленная последовательность устной или письменной речи. Это может быть произведение литературы, статья, письмо, разговор или даже короткое сообщение. Основными характеристиками текста являются его целостность и структурированность. Текст также должен соответствовать определённым коммуникативным целям и быть адаптирован к своей аудитории. Иными словами, представляет собой «словесное художественное произведение, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощённую в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь, также интерпретирующих действительность), и адресованное читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [1, с. 45].

Однако тексты не существуют изолированно, а являются частью более широкой текстовой сети и культурного контекста, взаимодействуя с другими текстами. Это может происходить через цитирование, аллюзии, эхо, пародию и другие формы отсылок к другим литературным произведениям, культурным кодам или историческим событиям. Таким образом, становится очевидным, что способность текста взаимодействовать с другими текстами является его неотъемлемым коммуникативным свойством, «одной из основополагающих категорий текста художественного произведения, представляя собой многомерную смысловую связь, бесконечный диалог с другими текстами и явлениями культуры» [2, с. 183].

Авторство идеи представления мировой литературы как универсального интертекста, все составные части которого находятся в условиях непрерывного взаимодействия, равно как и термина «интертекстуальность» (фр. *intertextualité* от лат. *inter* – «между», *intertextum* – «вплетённое внутрь») принадлежит Юлии Кристевой, развившей идеи Михаила Бахтина о диалогичности текста, о текстах как диалогах между различными голосами культуры [3]. Термин вводится исследовательницей для обозначения общего свойства текстов, выражающегося в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

В дальнейшем концепция интертекстуальности была расширена другими теоретиками. В частности, Ролан Барт утверждал, что всякий текст является пересечением текстовых поверхностей, а не оригинальным и самостоятельным творением: «*Tout texte est un intertexte; d'autres textes sont présents en lui, à des niveaux variables, sous des formes plus ou moins reconnaissables*» [4, p. 97].

Интертекстуальные связи, представляя собой отношения между текстами, возникающие, когда один текст явным или неявным образом ссылается на другой, обогащают содержание текста, связывая его с более широкими литературными, культурными и историческими контекстами, давая возможность тексту «разговаривать» с другими текстами, поддерживая, опровергая или дополняя их идеи.

«*Balzac et la petite tailleuse chinoise*», роман французского автора китайского происхождения Дай Сицзе (Dai Sijie), представляет собой уникальный пример интертекстуальности, где переплетаются западная литература, китайская культура и личный опыт автора.

Действие романа разворачивается в период Культурной революции в Китае (1966–1976), когда массово практиковалась отправка городской образованной молодёжи в провинцию для перевоспитания через труд с целью уменьшения разрыва между городскими и сельскими районами и воспитания нового поколения, преданного коммунистическим идеалам. Книги, музыка, театр и другие формы культурного выражения, которые не соответствовали идеологии партии, были запрещены и уничтожены. Исторический контекст имеет решающее значение для понимания событий и персонажей в романе.

Главные герои, два молодых человека, отправлены в далекую горную деревню для перевоспитания, что является центральным элементом сюжета. Один из них является рассказчиком, описывающим, как интерес к литературе и влияние его друга на деревенскую швею приводят к трансформации наивной необразованной китайской девушки в женщину, стремящуюся к лучшей жизни.

При этом рассматриваемое произведение – это не роман о китайской культурной революции и не роман о перевоспитании молодежи в период китайской культурной революции; это история любви и «*un livre sur les livres*» [5, p. 97] (книга о книгах). Эту мысль высказывает и сам автор: «*mon intention n'a jamais été de faire une thèse sur la Révolution Culturelle, mais seulement de raconter une histoire d'amour et d'amitié entre trois adolescents liés par la découverte frauduleuse d'une littérature censurée*».

Роман содержит множество упоминаний западных писателей (Гюго, Стендаль, Дюма, Флобер, Бодлер, Ромен Роллан, Руссо, Диккенс, Киплинг и, конечно, Бальзак) и их произведений. Эти книги становятся для героев окном в другой мир, источником вдохновения и способом сопротивления идеологическому давлению. Чтение запрещенной в тот период литературы приводит к переосмыслению персонажами представлений о любви, свободе, личностном росте, границах возможного.

Само название «*Balzac et la petite tailleuse chinoise*», задающее тон и тематический фокус произведения в целом, говорит о важности литературных произведений для развития сюжета, о трансформационном влиянии литературы на главных героев, буквально открывших для себя новый мир идей, резко контрастировавший с идеологическими ограничениями их собственной культуры. Необычно и чарующе звучит для них само имя французского писателя: «*une beauté inhabituelle*», «*une saveur exotique, sensuelle, généreuse*».

Первое же прочитанное произведение «*Ursule Mirouët*», производит мощное впечатление, открыв доселе неизвестный мир чувств и желаний: «*Imaginez un jeune puceau de dix-neuf ans, qui somnolait encore dans les limbes de l'adolescence, et n'avait jamais connu que les bla-bla révolutionnaires sur le patriotisme, le communisme, l'idéologie et la propagande. Brusquement, comme un intrus, ce petit livre me parlait de l'éveil du désir, des élans, des pulsions, de l'amour, de toutes ces choses sur lesquelles le monde était, pour moi, jusqu'alors demeuré muet*» [6, c. 72]. Произведения французского писателя становятся для героев не только источником знаний о любви, страсти и человеческих отношениях, но и символом интеллектуальной свободы. Через чтение Бальзака герои открывают для себя новые горизонты, которые противоречат официальной идеологии того времени.

Не меньшее влияние оказало на «перевоспитываемых» творчество Ромена Роллана, французского писателя, музыковеда, обладателя Нобелевской премии по литературе. Его роман «Jean-Christophe» рассказывает о жизни немецкого музыканта, который борется за своё искусство и личные убеждения в условиях социальных и политических потрясений Европы.

В контексте романа Дай Сицзе, «Jean-Christophe» Ромена Роллана помогает персонажам расширить свои взгляды, развить критическое мышление и моральную смелость, что становится для них способом интеллектуального и духовного освобождения: «Jusqu'à cette rencontre volée avec Jean-Christophe, ma pauvre tête éduquée et rééduquée ignorait tout simplement qu'on pût lutter seul contre le monde entier» [6, с. 137].

Важную роль в развитии сюжета и персонажей играет Александр Дюма и его знаменитый роман «Le comte de Monte-Cristo», история о предательстве, мести и искуплении, которая вдохновляет персонажей на размышления о собственной судьбе и возможностях изменить свою жизнь. Читая роман, персонажи находят мотивацию и силы бороться с несправедливостью и ограничениями, которые налагает на них общество и политическая система времен культурной революции. Книга становится символом надежды и веры в возможность личного освобождения и трансформации, что особенно характерно для персонажа китайской швеи.

Швея, изначально простая и наивная девушка, чья жизнь в буквальном смысле слова ограничена границами деревни и традиционными культурными ценностями, где чувства подчинены долгу и господствующим в то время социальным нормам. «Tu me trouves sûrement aussi idiotte qu'un chien qui court pour chercher l'os qu'on a lancé. Je ne suis pas une de ces jeunes filles françaises de Balzac. Je suis une fille de la montagne. J'adore faire plaisir à Luo, point final» [6, с. 180].

Она сосредоточена на выполнении повседневных обязанностей, не видит себя за пределами роли деревенской швеи и вдруг впервые посредством книг сталкивается с миром, выходящим за пределы её деревенской реальности.

Произведения Бальзака, повествующие о страстной любви, становятся для неё откровением. «Ce vieux Balzac, ... , est un véritable sorcier qui a posé une main invisible sur la tête de cette fille; elle était métamorphosée, rêveuse, a mis quelques instants avant de revenir à elle, les pieds sur terre» [6, с. 78].

Девушка начинает понимать, что существуют иные формы любви, страсти и человеческих отношений, которые радикально отличаются от её собственного опыта. Книги становятся для неё окном в мир, где эмоции и чувства имеют глубину и сложность; зеркалом, в котором она видит свои собственные желания и стремления. Она начинает осознавать, что её жизнь может не ограничиваться ролью деревенской швеи, что она может стремиться к чему-то большему, начинает мечтать о жизни, полной эмоций и событий, которые выходят за рамки её деревенского существования. Это первый шаг к её внутреннему бунту.

Каждая книга становится для неё ступенью к новому пониманию себя и мира. Литература не только расширяет её кругозор, но и пробуждает в ней стремление к свободе и самореализации, открывает ей идею свободы как внутреннего состояния. Она видит, что героини, как Эмма Бовари, например, стремятся к чему-то большему, чем окружающая их реальность, открывает для себя новые представления о жизни, которые радикально отличаются от её прежнего мировоззрения. Эти идеи становятся для неё источником вдохновения и стремления к переменам. В результате, швея начинает задумываться о своей собственной жизни и своем месте в мире.

Девушка начинает мечтать о свободе – не только физической, но и эмоциональной, интеллектуальной. Она понимает, что свобода – это право на собственный выбор, даже если этот выбор противоречит общественным нормам. Это осознание становится ключевым моментом её трансформации.

К концу романа швея полностью меняется. Она больше не та наивная девушка, которой была в начале. Книги открыли ей новые горизонты, изменили её. Она больше не хочет быть деревенской «маленькой китайской швеей», не хочет ограничиваться ролью, навязанной ей обществом, и решает уехать из деревни, чтобы начать новую жизнь. Книги стали для неё не просто источником знаний, но и инструментом освобождения. Они помогли ей осознать свою индивидуальность и стремление к свободе. Её решение покинуть деревню в конце ро-

мана символизирует стремление к самореализации и поиску собственного пути: «Je ne pouvais en croire mes propres yeux : la scène se figea en une image fixe. La fille en veste d'homme, aux cheveux courts et chaussures blanches, assise sur le rocher, resta immobile, tandis que le garçon, allongé sur le sol, regardait les nuages au-dessus de sa tête» [6, с. 227].

Роман Дай Сицзе построен на диалоге между китайской и западной культурами. Книги западных авторов, запрещённые в то время в Китае, становятся для героев способом понять себя и мир. Чтение и пересказ запрещённых книг становятся актом неповиновения, способом сохранить свою индивидуальность. Герои не просто читают книги, но и переосмысливают их, создавая свои собственные интерпретации.

При этом автор не противопоставляет культуры, а показывает, как они могут обогащать друг друга: через чтение западной литературы герои начинают лучше понимать свои собственные чувства и переживания. Через обращение к западной литературе автор не только рассказывает историю своих героев, но и поднимает вопросы о роли искусства, свободе и человеческой индивидуальности. Книги становятся не просто текстами, а живыми символами, которые помогают героям выжить и найти свой путь.

Таким образом, интертекстуальность в романе Дай Сицзе – это не только литературный приём, но и глубокий философский комментарий о силе слова и его способности преодолевать границы времени и пространства.

Литература

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта: Наука, 2005. – 495 с.
2. Рябко, Е. И. Библейские интертекстуальные включения в аспекте филологической герменевтики (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е. И. Рябко ; Тихоокеанский гос. ун-т. – Хабаровск, 2019. – 208 с.
3. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика : От структурализма к постструктурализму ; пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М. : ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
4. Barthes, R. Théorie du texte / R. Barthes // Encyclopaedia universalis France. – 1973. – Vol. 15. – 1015 p.
5. Fritz-Ababneh, D. L'intertextualité dans Balzac et la Petite Tailleuse chinoise de Dai Sijie / D. Fritz-Ababneh // Dalhousie French Studies. – 2006. – Vol. 77. – P. 97–113.
6. Sijie, D. Balzac et la Petite Tailleuse chinoise / D. Sijie. – P. : Gallimard, 2017. – 222 p.